

Майзенберг Е. А.

**ПРОБЛЕМАТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗА Э. ХЕМИНГУЭЯ
"НЕПОБЕЖДЕННЫЙ"**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/37.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 84-86. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Учёные пришли к выводу, что при определении омонимии необходимо учитывать как звуковую, так и графическую форму слов. Так, Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова предлагают следующее определение омонимов: «Homonyms are words which are identical in sound and spelling, or, at least, in one of these aspects, but different in their meaning» [Antrushina, Afanasyeva, Morozova 2000: 166]. Л. В. Малаховский, подробно изучив все признаки и особенности омонимии, определяет омонимы (на уровне лексем) «как слова одного и того же языка в один и тот же период его существования, тождественные друг другу хотя бы в одном из компонентов плана выражения, то есть совпадающие по звучанию и/или по написанию во всех или некоторых грамматических формах (и во всех или некоторых фонетических и графических вариантах) и при этом различающиеся хотя бы по одному из компонентов плана содержания - лексической и/или грамматической семантике» [Малаховский 1990: 56]. Под различием лексической семантики Л. В. Малаховский понимает отсутствие деривационной связи между означаемыми, а под различием грамматической семантики - различие общелексемных грамматических признаков. Таким образом, согласно данным определениям, словам-омонимам присуще различное значение, одинаковое звучание и/или написание. Другими словами, омонимы, совпадающие в написании и/или произношении, представляют собой омофоны, омографы или полные омонимы. Что касается содержательной стороны омонимов, то они обладают различным лексическим и/или грамматическим значением.

Список использованной литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. - М., 1966.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М., 1955.
3. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. - М., 1965. - 492 с.
4. Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. - М., 1958. - 408 с.
5. Головин Б. Н. Введение в языкознание. - М., 1983. - 231 с.
6. Малаховский Л. В. Теория лексической и лексико-грамматической омонимии. - Л., 1990. - 239 с.
7. Маслов Ю. С. Омонимы в словарях и омонимия в языке (к постановке вопроса) // Вопросы теории и истории языка: Сб. в честь проф. Б. А. Ларина. - Л., 1963. - С. 198-202.
8. Тышлер И. С. Словарь омонимов современного английского языка. - Саратов, 1963. - 232 с.
9. Филлин Ф. П. Выступление на дискуссии по вопросам омонимии // Лингвистический сборник. - М., 1960. - Вып. 4. - С. 59-60.
10. Шайкевич А. Я. О принципах классификации омонимов // Процессы развития в языке. - М., 1959. - С. 125-143.
11. Antrushina G. D., Afanasyeva O. V., Morozova N. N. English Lexicology. - М., 1985. - 223 p.
12. Bloomfield L. Language. - New-York: Holt, Rinehart and Winston, 1965. - 564 p.
13. Cramer P. A Study of Homographs // Norms of Word Association. - New-York-London, 1970. - P. 361-382.
14. Skeat W.W. An Etymological Dictionary of the English Language. - Oxford, 1978.

ПРОБЛЕМАТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
РАССКАЗА Э. ХЕМИНГУЭЯ «НЕПОБЕЖДЕННЫЙ»

Майзенберг Е. А.

Саратовский государственный социально-экономический университет

Основной пафос творчества выдающегося американского писателя-гуманиста Э. Хемингуэя заключается в том, что человек должен с честью выйти из трудного испытания, сохранить достоинство в любой ситуации, одержать нравственную победу. Жестокой и безжалостной видел писатель окружающую его действительность после первой мировой войны, где одиноко противостоявший ей человек должен был рассчитывать только на самого себя. Писателю важно было ответить на вопрос, как выжить в этом мире, как найти настоящие жизненные ценности, что может стать главным принципом существования, его опорой. Персонажи Хемингуэя, бросая вызов современному обществу, сохраняли выдержку, даже будучи обречены на поражение. Трагический стоицизм - вот основной, определяющий ответ писателя на вопрос «как жить».

В 20-ые годы в творчестве писателя возникает образ матадора, лицом к лицу встречающегося со смертью. Он превосходно воплощал эту хемингуэевскую идею противостояния личности враждебному окружению. Но испанская коррида привлекала писателя еще и потому, что выражала его веру в мужество человека. Существует хорошо известный психологический парадокс. Опасность, с которой человек только соприкоснулся, делает его трусом; опасность же, испытанная в полной мере, рождает экзистенциальную решимость к борьбе. Риск, на который ежедневно идет матадор, подвиг, совершаемый им буднично и без аффектации, стал для Хемингуэя примером жизни высшего накала, способной выдержать огромное напряжение и сохранить при этом цельность и красоту характера.

Э. Хемингуэй много писал на эту тему - его творчество 20-30-х годов буквально пронизано данной проблематикой. В частности, роман «И восходит солнце» (1926) - рассказ о путешествии в Испанию на празднование фиесты.

Фиеста - ежегодный карнавал, неотъемлемой частью которого является бой быков. Это одна из немногих сохранившихся жизненных моделей, имитирующих крушение, кризис, постоянную внутреннюю готовность к войне. Испанский народный праздник фиесты восходит к средневековой мистерии. И это отнюдь не безрассудная вакханалия, как может казаться постороннему взгляду. На самом деле мистерии были серьезным

и сложным явлением - они представляли собой народное средство против забывчивости и успокоенности, против иллюзии абсолютной прочности и надежности мирной жизни. С помощью мистерий народ напоминал себе о существовании беспощадной реальности, о вероятности насильственной смерти. Такое понимание восходит к еще более глубокому пласту европейской культуры - античности, где мистерии были народной формой переживания истории.

В центре fiestas находится коррида - сложный ритуал, обеспечивающий правильный ход смертельной схватки матадора с быком. В 1932 г. Хемингуэем была написана еще одна книга на эту тему - «Смерть после полудня», собственно трактат о бое быков. В 1936 г. - снова обращение писателя к той же теме в рассказе «Рог быка». И везде автор воссоздает в слове гармонию и пластику поединка, мир эмоций корриды. Но ни один из многочисленных характеров матадоров, нарисованных им, не может превзойти образ Мануэля в раннем рассказе о победе духа смертельно раненного человека. Именно в «Непобежденном» (сборник «Мужчины без женщин» 1925 г.) впервые классически ясно прозвучит этический лейтмотив творчества Хемингуэя.

Образ корриды в произведениях писателя многозначен. Это аналог войны в мирное время. Жестокостью, кровью, страданием коррида похожа на войну - такое сравнение у писателя встречается нередко. Уже в первом издании сборника «В наше время» (1924 г.) бою быков посвящено шесть миниатюр - столько же, сколько и войне. Одна тема сменяет другую, образуя своего рода параллель. С другой стороны, коррида стала для Хемингуэя символом решающего испытания внутренней силы человека, то есть оказалась связанной с основным пафосом всего творчества.

Рассказ «Непобежденный», в котором тоже в центре повествования матадор и коррида, интересен своим достоверным жизненным содержанием. Искусный в прошлом, но потерявший былую силу матадор Мануэль Гарсиа участвует в последнем в его жизни поединке. Он слаб и болен - еще не оправился от старого ранения; кроме того, бой складывается для него неудачно, ему не везёт. В конце корриды он всё-таки убивает быка, но его самого уносят с арены смертельно раненым. Драма на арене насыщена суровыми и точными реалистическими деталями, подчас отчетливо социально-окрашенными: так, Мануэль Гарсиа (Маноло) вынужден выступать за гроши, потому что остро нуждается в заработке. Для своего работодателя Ретаны (хозяина конторы по найму тореро для поединков), он становится объектом явной эксплуатации. «Он (Ретана - Е. М.) склонился над бумагами. Разговор больше не интересовал его. Сочувствие, которое на минуту вызвал в нем Мануэль, напомнив о старых временах, уже исчезло. Он охотно заменит им Чавеса (другого матадора - Е. М.), потому что это обойдется дешево. Но и других можно иметь по дешевке».¹ Старый пикадор Сурито, жалея друга, соглашается помочь Мануэлю, даже берет с него слово, что в случае неудачи тот бросит опасное ремесло. Когда идет бой, цинично равнодушный репортер местной газеты, потягивая вино, так освещает ход событий: «... престарелому Маноло не удалось вызвать аплодисментов серией трафаретных трюков с плащом, после чего начался следующий номер программы».² Юный цыган-бандерильеро играючи выполняет свое дело на арене; его веселое молодое бесстрашие оттеняет усталость и надорванность Мануэля. Когда Мануэлю не сразу удаётся убить быка, зрители в знак неодобрения забрасывают его подушками. Споткнувшись об одну из них, он и получает смертельное ранение. Лежа на операционном столе, Мануэль не позволяет Сурито отрезать себе колету - косичку, знак профессионального отличия матадора.

Важно и то, что драма разыгрывается при ясном свете дня. Традиционно считается, что для трагедии больше подходит ночь, мрак, таинственность. Но для Хемингуэя темнота ассоциируется с трусостью и предательством, а трагедия совершается открыто. Трагическая фигура матадора всегда на свету, и ничего из того, что он делает, не остается скрытым. Сам Хемингуэй в «Смерти после полудня» писал о том, что теория, практика и зрелище боя быков создавались в расчете на солнце. И когда солнце не светило, коррида считалась испорченной.

Примечательно, что события в рассказе даны сквозь призму видения не только самого автора, но и разных персонажей: главного героя, второстепенных лиц. Корреспондент заштатной газеты «Эль Эральдо» пользуется стертыми штампами для своего репортажа. Читатель смотрит на происходящее то глазами Маноло, то вместе с Сурито. Даже быку дается слово в этом рассказе - вначале он весел и носится по арене, радуясь свободе после темного загона. Потом, израненный и обзлбленный, мечтает расправиться со своими мучителями: «Бык, высунув язык и тяжело поводя боками, следил за цыганом. Теперь попался, думал бык...»³.

«Непобежденный» - один из самых «многофокусных» рассказов писателя, и это придает ему кинематографическую яркость и неповторимость, свидетельствует о художественном мастерстве автора.

Главная задача куадрильи - всех участников боя, обеспечивающих заданный ход корриды, - состоит в том, чтобы не допустить превращения борьбы в убийство. Им нужно убедить зрителей, что в мире нет ничего более упорядоченного, красивого и строгого, чем открытая смертельная схватка. На грани смерти матадор демонстрирует власть над жизнью, над бранным телом, преодоление страха - совершенство человека в его лучшем проявлении. Не то совершенство, которое воплощено в творениях человека, а то, что присуще ему как природная особенность. На арене корриды человек показан в постоянном сопоставлении с животным и одновременно в единоростве с ним. Здесь он доказывает, что является высшим из созданий, недося-

¹ Э. Хемингуэй. Собр. соч. в 4-х т. - М., 1982. - Т. 1. - С. 140.

² Там же. - С. 155.

³ Там же. - С. 156.

гаемым во всём: в своей пронизательности, интуиции, сообразительности. Он также принадлежит миру природы, но стоит на другом уровне и потому способен одержать верх. Сам Мануэль это ощущает: «Мануэль поглядел на чучело быка. Он не раз видел его и раньше. Он питал к нему что-то похожее на родственные чувства».¹ Так, коррида высвечивает лучшие человеческие качества, демонстрирует красоту борьбы.

И еще один значимый символ раскрывается перед нами. Действия матадора глубоко ритуальны. Все эти из поколения в поколение передаваемые приемы боя - паса де печо, паса натурале, рекорте, вероники и суэрте для него не просто условности, а нравственный постулат, позволяющий осознать свободу единственно возможного выбора. И даже если публика не понимает его, требует чего-то иного - зрелищности, остроты ощущений -- матадор навсегда останется верен себе, он не отступит от «правил игры», своеобразного кодекса. Рискованное ремесло матадора не бессмысленно, он занимается этим не ради потехи публики и не только ради вознаграждения. Он соединяет в себе презрение к опасности с профессиональной щепетильностью. Едва ли можно говорить о безрассудности его риска. По мысли писателя, в нестабильном обществе, постоянно чреватом войной, угрозой насильственной смерти (после мировой войны это настроение у Хемингуэя было особенно сильным), тот, кто бережет жизнь и тот, кто ею рискует, в равной мере подвергаются опасности.

Таким образом, для Хемингуэя фиеста и находящаяся в центре неё коррида вовсе не путешествие в экзотику, а многозначный философски-нравственный символ. Он даёт автору богатую пищу для размышлений о судьбе человека в современном мире, его способности с честью выносить тяжелое испытание и одерживать нравственную победу, даже потерпев физическое поражение.

События последующих десятилетий - поражение республиканцев в Испании, разгул «холодной войны», казалось, должны были привести писателя к мысли о том, что человечество так ничему и не научилось, к разочарованию, утрате веры в людей. Однако его позднее произведение - повесть-притча «Старик и море» (1952), за которую автору была присуждена Нобелевская премия, с новой силой ознаменовала его веру в мужество и достоинство человека - тему, которая была обозначена уже в ранних рассказах. Вместе с другими лучшими произведениями Хемингуэя повесть примыкает к великой традиции мировой литературы, которая утверждает победу человеческого духа несмотря на испытания. Устами главного героя, старика Сантьяго писатель говорит, что «человек не для того создан, чтобы терпеть поражение».

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО КЛАССА «*GEIST IST EIN MENSCH ODER EIN BEGRIFF (GEGENSTAND)*» В ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ

Макарова О. С.

Волгоградский государственный педагогический университет

Исходя из проблематики творчества Ф. Ницше, мы считаем возможным выявление указанного в названии лексического класса, поскольку каждая мысль автора, объективирующая тот или иной концепт и распредмеченная посредством метафорического переноса, заключает в себе оппозиционную амбивалентность образных аналогий. Нам кажется целесообразным рассмотреть проблему индивидуальной концептосферы элитарной языковой личности с позиции определенных лексических классов, выделенных посредством основного субъекта сравнения [Москвин 2006: 129].

Лексический класс «*Geist ist ein Mensch oder ein Begriff (Gegenstand)*» служит наглядным примером вышесказанного в связи с одинаковыми статистическими данными (по 9%), свидетельствующими о равноправности метафорических единиц «*дух как человек*» и «*дух как понятие или предмет*».

С учетом структурной классификации метафор В. П. Москвина *развернутая метафора* является наиболее продуктивным средством оформления идей элитарной личности. При этом своеобразии многочисленных единиц проявляется в наличии размышлений и комментариев философа, в которых метафорический образ репрезентирован группами лексем.

Мир, в котором живет человек, все больше напоминает собой некую систему правил, законов и устоев, которые в определенной степени ограничивают волю человека действовать соответственно своим целям и желаниям. Общество настолько сужает рамки, в том числе и для моральных возможностей индивида, что личность, как подчеркивает мыслитель, начинает духовно деградировать: «*einst war der Geist Gott, dann wurde er zum Menschen und jetzt wird er gar noch Pöbel*» [Nietzsche 1976: 43]; в связи с данным фактом он упоминает о духе как «*Plebejismus des Geistes*» [Nietzsche 1999: 605] и «*Prostitution des Geistes*» [Nietzsche 1999: 403]. Кроме того, человек в современном обществе, страдая от всего того, что создано им самим, пытается бороться за возможность возвращения к духовным ценностям, что раньше казалось само собой разумеющимся, но в настоящий момент оказывается уже забытым и неизвестным: «*hier war der Geist mit fremden, noch namenlosen Bedürfnissen*» [<http://gutenberg.spiegel.de/nietzsch/tragoedi/>].

В ряде апеллиций к бинарной, генетивной метафоре в основе метафорического переноса заложено сравнение духа с какой-либо профессией. Обратим при этом внимание на выбор профессий Ф. Ницше. Речь идет о деятельности, где люди способны повелевать и брать на себя принятие неких решений: «*der Ladendiener des Geistes*» [Nietzsche 1999: 615]; «*die höchsten Richter des Geistes*» [Nietzsche 1999: 449]. С другой стороны, прослеживается тенденция к случаям называния, в которых дух действует в воздухе «*Luft - Schiffahrer des*

¹ Там же. - С. 139.